

Библиотека

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографического Отдѣленія

В. И. Ламанского

Выпускъ I - 4

Годъ XVIII

1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1909

ТУНГУССКІЯ ПРЕДАНІЯ.

(Окончаніе).

Iäha¹⁾.

Въ родѣ Хирагир былъ одинъ тунгусъ. Звали его Iäha. Онъ былъ знаменитый охотникъ, проворный бѣгунъ, человѣкъ ловкій и известный многимъ тунгусамъ. Женатъ былъ Iäha на тунгускѣ изъ рода Кундагир. Вмѣстѣ съ нимъ жили и всѣ представители рода Хирагир, такъ что ихъ было цѣлое общество. Однажды кундагирцы рѣшили истребить родъ Хирагировъ и двинулись на нихъ войной. Дѣло было весной. Много было кундагирцевъ, цѣлое войско, вооруженное луками и стрѣлами. Много было и хирагировъ. Придя къ жилищамъ Iäha, кундагирцы начали пускать въ хирагировъ свои стрѣлы. Стрѣлы у нихъ были оперены перьями изъ крыльевъ разныхъ птицъ. Тутъ же, среди кундагирцевъ, былъ и тестъ Iäha; стрѣлы у него были оперены перьями изъ лебединыхъ крыльевъ и рѣзко выдѣлялись среди стрѣлъ остальныхъ кундагирцевъ. Когда началась стрѣльба, онъ поднялъ свою бѣлую стрѣлу и помахалъ ею въ воздухѣ, чѣмъ давалъ знать зятю о своемъ присутствіи. Тѣмъ временемъ, пока онъ махалъ, стрѣлы дѣлали свое дѣло и одна стрѣла угодила въ затылокъ Iäha; когда онъ отворачивался, отклоняясь отъ стрѣлъ, Iäha свалился. Послѣ паденія Iäha, кундагирцы очень скоро перестрѣляли остальныхъ хирагировъ и затѣмъ ушли обратно. Возвращаясь послѣ разгрома хирагировъ, кундагирцы другой присѣли отдохнуть. Въ это время тестъ Iäha, выдвинувшись изъ толпы, сказалъ:

— Былъ у моего зятя прекрасный ножъ; пойду ка я поищу его! Съ этими словами старикъ вернулся на мѣсто побоища. Придя туда, онъ отыскалъ Iäha и нашелъ, что онъ только раненъ и что стрѣла засѣла у него въ шейной кости. Вытащилъ онъ изъ шеи зятя стрѣлу, развелъ ему костеръ, усадилъ около костра и сказалъ:

— Ну, сиди тутъ; я скоро отдѣлюсь отъ своихъ и приду къ тебѣ.

Тестъ ушелъ къ своимъ, а Iäha остался у костра, среди своихъ убитыхъ сородичей, лѣчиться отъ своей раны.

¹⁾ Въ переводѣ — глазъ.

Вернувшись домой, кундагирцы по обыкновению разбрелись на лѣто. Отдѣлился отъ всѣхъ и тестъ Iäha, и, отставъ отъ своихъ, опять вернулся къ своему зятю. Здѣсь онъ прожилъ все лѣто, кормя охотой больного и ухаживая за нимъ. Скоро Iäha совсѣмъ поправился и снова принялъ за охоту и свои обычныя занятія. Наступила осень. Тестъ его опять вернулся къ своимъ. Черезъ пѣсколько лѣтъ кундагирцы услышали, что Iäha живъ и живетъ себѣ по прежнему и что у него опять есть народъ, частью остатки не понавшихся въ разгромѣ хирагировъ, частью бродячій безродный народъ, приставшій къ разбитому роду. Надо съ Iäha покончить, рѣшили кундагирцы и лѣтомъ опять пошли на него. Приблизившись къ жилью Iäha, они сначала потихоньку развѣдали, правда ли то, что они слышали. Оказалось, дѣйствительно Iäha былъ живъ, и около него имѣлся народъ. Было время передъ осенюю. Iäha съ людьми своими занимался охотой на гусей и питался ими. Стоялъ дождливый день, и Iäha и его люди сидѣли въ чумѣ и ъли гусей. Въ этотъ моментъ къ нимъ незамѣтно подошли кундагирцы и пальмой¹⁾ перерубили верхнюю связку чума. Чумъ, оставшійся безъ опоры, рухнулъ на сидѣвшихъ внутри и, когда онъ придавилъ ихъ такимъ образомъ, враги стали прикалывать ихъ своими пальмами сквозь чумовые юки²⁾. Всѣхъ перекололи они, и лишь одинъ вырвался изъ-подъ чума и бросился бѣжать. Кундагирцы бросились догонять его. Одинъ тестъ Iäha остался около чума и сталъ искать своего зятя. Подъ чумомъ было тихо; ни звука не слышно, ни стона.

— Странно,—думалъ кундагирецъ,—неужто Iäha не могъ никакъ спасти! — и, отворачивая юки, осматривалъ убитыхъ, но все это были другія лица.

— Iäha, ты здѣсь? — окликнулъ онъ наконецъ его тихонько.

— Здѣсь,—раздалось изъ подъ юковъ.

Когда чумъ свалился на сидѣвшихъ, Iäha понялъ, какъ это произошло, и усѣлся смирненько въ серединѣ чума, тогда какъ товарищи его завозились, стараясь вырваться, и, тѣмъ выдавая самихъ себя, были все переколоты.

— Ну, такъ выходи скорѣе и бѣги; я одинъ здѣсь, а товарищи все пустились догонять бѣжавшаго.

Iäha вскочилъ; у него была лишь одна удочка да колчанъ со стрѣлами, вотъ и все, что онъ могъ въ темнотѣ и второпяхъ захватить. Выскочивъ изъ-подъ чума, онъ пустился бѣжать. Тестъ его стоялъ тутъ, около чума, и смотрѣлъ ему во слѣдъ. Жаль ему было своего зятя, хотѣлось ему спасти какъ нибудь его, но въ то же время онъ боялся выдать себя товарищамъ и потому, дождавшись, когда зять отѣжалъ на значительное разстояніе, крикнулъ своимъ:

— Эй, что же вы разбрелись и чего смотрите? Вѣдь Iäha уѣжалъ, догоняйте же его!

Двое, услыхавъ крикъ товарища, немедленно погнались за бѣглцомъ. Хорошо бѣгалъ Iäha, но и противники его бѣгали видно не

¹⁾ Большой ножъ на древкѣ.

Ред.

²⁾ Юкъ — полотнище, спитое изъ пѣсколькихъ, плохо выдѣланныхъ оленыхъ кожъ, служащее для покрышки чума, поверхъ остова изъ шестовъ.

дурно. Стали они его догонять. Бѣжалъ Іаһа между двумя ручьями, внизъ по стрѣлкѣ, къ мѣсту сліянія ручьевъ и добѣжалъ до него, перепрыгнулъ черезъ одинъ изъ ручьевъ. Только перескочивъ черезъ ручей, онъ споткнулся и сталъ на четвереньки, почему черезъ голову его высыпалась изъ колчана вся стрѣлы. Собирать разсыпанное было некогда; только на ходу онъ успѣлъ поймать одну стрѣлу и, держа ее въ рукѣ, пустился бѣжать дальше. Преслѣдовавшіе его продолжали гнаться за нимъ, но такъ и не догнали. Уѣжавъ отъ смерти, Іаһа только и могъ вначалѣ питаться тѣмъ, что добудетъ своей удочкой. Со временемъ же онъ поправился, опять устроился и сталъ жить спокойно; кундагирцы больше не преслѣдовали уже его. Обзавелся онъ семьей, пошли у него дѣти, выросли, поженились и народили въ свою очередь дѣтей. Такъ образовался тунгусскій родъ хирагиръ, который и по сіе время здравствуетъ и размножается.

У м н а.

Много лѣтъ тому назадъ, въ старину, близъ рѣчки Киды, впадающей въ Котуй, жилъ тунгусъ изъ рода Ёльдачир, по имени Умна. Имѣлъ онъ жену и подростка сына, по имени Уюльгу. Жила семья очень бѣдно. Въ тѣ времена у тунгусовъ не только не было оленей, но не было почти совсѣмъ ни ружья, ни лыжъ. Онъ былъ очень бѣденъ. Единственно, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи изъ средствъ для пропитанія—это удочки. Уженьемъ рыбы семья Умна только и кормилась. Удили все трое въ разныхъ концахъ озера. Зимой прорубали проруби и въ нихъ удили, а чтобы было гдѣ погрѣться, разводили тутъ у проруби костеръ. Такъ и жили они, перебиваясь кое-какъ; когда поймаютъ какую-нибудь щучку, другую—поѣдятъ, а когда такъ и вовсе ничего не поймаютъ и сидѣтъ голодомъ. Жили, жили они такъ, только Умна сталъ замѣтать, что у жены его что-то совсѣмъ перестала ловиться рыба.

— Что за оказія,—думалъ онъ,—ловилась прежде у старухи рыба, а теперь, что ни день, то она возвращается съ пустыми руками.

Ломалъ, ломалъ Умна надъ этимъ голову и надумалъ осмотрѣть прорубь, въ которой удить жена. Задумано, сдѣлано. Осмотрѣлъ онъ безъ жены ея прорубь и видѣтъ, что тамъ, на днѣ озера лежать рыбьи кости.

— Ну, сынокъ, видно старуха рѣшила уморить насъ; должно быть она тутъ же у проруби и єсть добытую рыбу, такъ какъ тамъ, на днѣ озера, лежать рыбьи кости,—говорить онъ послѣ этого сыну.

На другой день онъ отправилъ сына одного, а самъ сказалъ, что придетъ потомъ. Сынъ ушелъ, но скоро услышалъ за собой крики.

— Ну, видно отецъ убилъ мою мать,—подумалъ онъ, однако не остановился и пошелъ дальше.

Скоро видѣть онъ—идетъ отецъ, волоча за собой на веревкѣ весь свой домашній скарбъ, нагруженный на оленью шкуру.

— Ну, сынокъ,—сказалъ Умна, подойдя къ Уюльгу,—я убилъ твою мать; она, оказывается, одна безъ насъ съѣдала всю наловленную ею рыбу. Пойдемъ отсюда, все одно—гдѣ ни умирать.

Сказавъ это, Умнà пошелъ дальше, а сынъ за нимъ. Шли, шли они и вышли на одно озеро, гдѣ оказались старые человѣческіе слѣды. Остановился здѣсь рыбакъ и говорить сыну:

— Что же, поудимъ тутъ!

И, разойдясь въ разныя стороны, они стали удить. Спустя нѣкоторое время, Умнà замѣтилъ на другомъ концѣ озера человѣка, который началъ подкрадываться къ нему. Это былъ турильскій тунгусъ, рыбачившій здѣсь, по имени Кинѣшкѣн. Онъ дѣйствительно замѣтилъ Умну и началъ его скрадывать¹⁾). Увидѣвъ, что незнакомецъ его скрадываетъ, Умнà тотчасъ же раздѣлся, положилъ свое платье у проруби наподобіе сидящаго человѣка, нахлобучилъ на него свою шапку, а самъ спрятался подъ яръ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ выйти скрадывающій его человѣкъ, и сталъ ходить. Скоро Кинѣшкѣн дѣйствительно вышелъ на него, не подозрѣвая, что у проруби пустое чучело изъ платья. Какъ только онъ появился подъ яромъ, Умнà выскочилъ на него неожиданно и сказалъ:

— Кого ты скрадываешь? Мое имя Умнà, если ты его ищешь!

Съ этими словами онъ пустилъ въ него стрѣлу, которая вонзилась тому въ горло. Умеръ Кинѣшкѣн. Нашелъ у него Умнà ружье и лыжи и, захвативъ ихъ, на этихъ же лыжахъ пошелъ по слѣдамъ убитаго, захвативъ съ собой сына. Завернувъ за мысокъ озера, они увидѣли еще одного человѣка, занятаго уженьемъ. Замѣтилъ ихъ и тотъ въ свою очередь, но такъ какъ при немъ никакого оружія не было, то, надѣвъ свои лыжи, онъ пустился бѣжать. Къ несчастью для него у него въ это время оторвалась завязка на лыжахъ, чѣмъ и воспользовался Умнà; догнавъ его, онъ тутъ же и покончилъ съ нимъ. Оказалось, что это былъ младшій братъ Кинѣшкѣн'a. Убивъ второго, Умнà отправился дальше по слѣдамъ и скоро дошелъ до чума, гдѣ нашелъ жену Кинѣшкѣн'a, которую сдѣлала своей женой. Сталъ онъ послѣ этого жить здѣсь. Сынъ его не принималъ никакого участія въ его бояхъ, ни поощрялъ его, ни поридалъ. Не долго сидѣлъ только здѣсь Умнà. Захотѣлось ему еще подраться съ кѣмъ-нибудь и убить кого-нибудь и двинулъ онъ къ озеру Комешка. На пути къ этому озеру онъ нашелъ еще одно озеро, гдѣ жили три семьи турильскихъ же тунгусовъ. Замѣтивъ ихъ, Умнà дождался ночи и, когда все три семьи заснули, вырѣзалъ ихъ всѣхъ сонными. Озеро съ этихъ поръ стало известно подъ названіемъ Бунинда, т. е. озеро могилъ. Покончивъ съ этими, Умнà двинулъ дальше. Тѣмъ временемъ снѣгъ сталъ уже сходить, слѣдовъ вичныхъ уже нельзя было найти. По берегамъ уже открылась вода, и по ней можно было плавать на плоту. Двигаясь понемногу впередъ, Умнà однажды вышелъ на одно озеро, гдѣ увидѣлъ на плоту человѣка, ловящаго рыбу. Тотъ въ свою очередь замѣтилъ его. Оба приготовились къ встрѣчѣ. Но въ это время рыболовъ узналъ Умну по его сыну и издалека крикнулъ ему:

— Здорово, отецъ Уольгу, а вѣдь я чуть въ тебя не сталъ было стрѣлять!

— А, здорово Маймà, вѣдь и я чуть не убилъ тебя, не узналъ сразу!

¹⁾ Подкрадываться.

Оказалось, что это былъ знакомый и какой-то родственникъ Умны изъ рода Ялигир; у него тоже былъ сынъ подростокъ.

— Откуда идешь?—спросилъ Маймà, поздоровавшись съ Умной.

— Да, хожу, убиваю,—отозвался тотъ.

— Ага, но я тоже многихъ убилъ,—сочинилъ о себѣ Маймà, чтобы тотъ не сталъ храбриться надъ нимъ.

— Это хорошо, пусть боятся,—отвѣтилъ Умна, повѣривъ выдумкѣ товарища.

Стали они жить вмѣстѣ и ставить сообраꙗ сѣти, для чего поселились на озерѣ. Только хоть и знакомы они были, и родственники, но все время стерегли другъ друга, не довѣряясь и опасаясь вѣроломства. Вмѣстѣ они ходили сѣти ставить, вмѣстѣ смотрѣли ихъ, вмѣстѣ сидѣли дома и вмѣстѣ ходили на охоту; словомъ, они были неразлучны и не спускали другъ съ друга глазъ. Долгоночко такъ прожили они вмѣстѣ. Уже стали зеленѣть деревья. Весна стояла уже въ полномъ разгарѣ. Пріятелямъ стало уже надоѣдать такое положеніе; Маймà сталъ уже утомляться; вечерами ему раньше товарища стало хотѣться спать, а Умна вовсе не спалъ. Однажды Умна замѣтилъ на горахъ Кяльды огонекъ и рѣшилъ сходить туда поохотиться на бродящаго по нимъ человѣка. Отточилъ онъ свою пальму, взялъ ружье и пошелъ, а Маймà остался, говоря, что одному нужно остататься при дѣтяхъ и семьяхъ, чтобы защитить ихъ въ случаѣ нападенія. Ушелъ Умна въ горы, бродилъ, бродилъ въ нихъ, но нигдѣ никого не нашелъ. Человѣкъ, повидимому, просто переночевалъ на нихъ между камнями и ушелъ; слѣда никакого не осталось. Долго ходилъ Умна по горамъ, напрасно измаялся, утомился и пошелъ обратно. Маймà тѣмъ временемъ немногого передвинулся на новое мѣсто и сталъ поджидать товарища. Только ему не удалось устроить засаду, такъ какъ Умна во-время замѣтилъ его, и они оба вмѣстѣ пришли къ мѣсту новой стоянки. Бабы въ это время шли лѣсомъ къ этому же мѣсту, чтобы собрать дорогой чумовыхъ шестовъ.

— Эхъ, бабы-то не знаютъ мѣсто и пожалуй заблудятся—произнесъ Маймà, придя туда.

Умна кинулся въ лѣсъ и второпяхъ забылъ захватить ружье и пальму. Майма тотчасъ же подхватилъ вооруженіе товарища и сталъ поджидать его. Скоро показался Умна съ чумовыми шестами.

— А вонъ и бабы! крикнулъ Маймà.

Остановился Умна, вспомнилъ, что забылъ захватить оружіе и, бросивъ шесты, кинулся было бѣжать за ними, но въ это время Маймà ранилъ его изъ его же ружья въ високъ и, когда онъ упалъ, добилъ его пальмой. Убивъ отца, онъ хотѣлъ было убить и сына, но Юльгу такъ просилъ у него пощады, что Маймà оставилъ его въ живыхъ и вмѣстѣ съ его мачихой взялъ къ себѣ.

Юраки.

Однажды среди юраковъ потерялся одинъ человѣкъ. Ходилъ ли онъ на охоту, да заблудился, или убитъ былъ гдѣ нибудь и кѣмъ нибудь — никто не зналъ. Стали Юраки искать его и нашли на

снѣгу его слѣдъ. Дѣло было весной. Найдя слѣды, два юрака отправились прослѣдить этотъ слѣдъ. Неизвѣстно, долго ли они шли или коротко, только явственныи все время слѣдъ въ одномъ мѣстѣ прервался и исчезъ, словно провалился. Посмотрѣли юраки туда, сюда—нигдѣ ничего. Въ это время одинъ изъ нихъ случайно взглянулъ наверхъ и увидѣлъ висѣвшія на вѣтвяхъ дерева человѣческія кишкі. Ничего другого не отыскалось, и искатели слѣдовъ вернулись обратно. Былъ въ это время среди юраковъ одинъ мудрый человѣкъ, къ которому всѣ и обращались за совѣтомъ въ трудную минуту. Такъ и теперь юраки обратились къ своему совѣтчику. Тотъ сказалъ имъ:

— Соберитесь въ числѣ ста человѣкъ и пойдемте на то мѣсто, гдѣ висятъ кишкі. Тамъ надо будетъ устроить высокій домъ съ высокой же трубой, по безъ оконъ и безъ дверей, и прорыть въ него издалека подземный ходъ — такъ, чтобы его не могли найти не знающіе люди.

Такъ юраки и сдѣлали. Собрали сто человѣкъ вмѣстѣ съ совѣтчикомъ и отправились. Придя на указанное искателями слѣдовъ мѣсто, они дѣйствительно увидѣли тамъ висѣвшія на деревѣ кишкі и по совѣту своего мудреца построили высокій домъ съ высокой трубой; ни дверей, ни оконъ не сдѣлали, а прорыли подземный ходъ. Когда все это было исполнено, совѣтчикъ ихъ и говоритъ имъ:

— Теперь возьмите сухожилій и свейте изъ нихъ веревку такой крѣпости, чтобы всѣ мы вмѣстѣ не могли порвать ее.

Приготовили и веревку. Изъ веревки этой, совѣтчикъ устроилъ арканъ и насторожилъ его на трубѣ дома такъ, чтобы снаружи не было видно, а свободный конецъ веревки пустилъ внутрь дома.

— Тотъ, кто убилъ или сѣлъ нашего товарища, во всякомъ случаѣ вернется сюда видимымъ или не видимымъ и постарается войти въ домъ, для чего у него не будетъ другого пути, какъ проходить въ трубу,—сказалъ мудрецъ.—Будемъ же его караулить.

Всѣ пришедши юраки вошли черезъ подземный проходъ въ домъ и стали ждать. Долго они ждали — будетъ ли что нибудь. Наконецъ однажды наверху, около трубы, послышался шорохъ. Юраки притихли. Шорохъ увеличился и послышался у отверстія трубы. Слышно было, какъ кто-то пытается проникнуть внутрь черезъ трубу. Сидѣвшіе внутри тогда схватились всѣ за веревку и стали тянуть ее. Скоро что-то отдѣлилось сверху и упало внизъ. Разсмотрѣли — оказалось человѣческая рука, только крупинѣ, чѣмъ бываетъ у обыкновенного человѣка. Выйди наружу, юраки увидѣли два человѣческихъ слѣда, пришедшихъ къ дому, и одинъ обратный. Взойдя на верхъ дома, они по слѣдамъ узнали, что въ то время, какъ они тянули веревку внизъ, одинъ изъ пришедшихъ тянулъ своего товарища обратно, вверхъ, благодаря чему и оторвалась рука.

Посмотрѣли засадники на слѣды — они оказались крупинѣ обычныхъ человѣческихъ слѣдовъ и шагъ шире. Побоялись юраки идти по этимъ слѣдамъ, спустились и хотѣли было вернуться обратно

но мудрецъ ихъ настоялъ на противномъ; онъ говорилъ, что нужно во что бы то ни стало итти по слѣдамъ и предпринять что нибудь. Еще разъ послушался народъ своего совѣтчика и отправился за нимъ. Шли, шли они такъ лѣсомъ и вышли на мѣсто съ очень крупными деревьями, толще обхвата.

— Стойте, — сказалъ совѣтчикъ, — закидывайте арканъ на деревья и сваливайте ихъ общими силами по одному.

Закинули юраки арканъ на верхушку дерева, затянули его и налегли всей силой. Дерево нагнулось, наклонилось и грохнуло на землю; только гулъ пошелъ по лѣсу. Затѣмъ еще свалили дерево, потомъ другое, третье и т. д.; долго они работали и много повалили деревьевъ.

— Теперь сдѣлайте по числу насъ луки изъ цѣлыхъ лиственницъ и соотвѣтствующей величины стрѣлы и разбросайте ихъ между сваленными деревьями.

Такъ юраки и сдѣлали. Срубили каждый по двѣ лиственницы и, обтесавъ ихъ, сдѣлали изъ однихъ бревенъ луки, а изъ другихъ—стрѣлы и разбросали все это кругомъ.

— Ну, теперь ступайте сами домой, я одинъ останусь здѣсь,—сказалъ совѣтчикъ.

Товарищи его дѣйствительно ушли обратно, а самъ онъ отошелъ немнога къ сторонкѣ на такое разстояніе, чтобы можно было слышать человѣческій разговоръ, спрятался тамъ и сталъ ждать—что будетъ. Скоро къ мѣсту сваленныхъ деревъ подошла кучка людей, человѣкъ сто, и остановилась. Былъ, оказывается, среди нихъ тоже мудрецъ.

— Что это такое?—спросили пришельцы своего совѣтчика.

— А поиграли, видно, ребята—отвѣтилъ тотъ.

— Что же, поиграемъ коли такъ и мы—сказали люди и, подойдя къ лѣсинамъ, стали пытаться валить ихъ.

Но какъ ни сильны были они, однако для каждого порознь занятіе это оказалось непосильнымъ. Не могли они свалить ни одного дерева.

— Хороши, однако, ребята и хорошо поиграли, — проговорили люди,—мы не можемъ ни одного дерева свалить. Какъ же мы будемъ преслѣдовывать такихъ людей? Они перебѣгутъ насъ, какъ мальчишечки!

— Вернемтесь, друзья мои, домой,—произнесъ совѣтчикъ;—они убили одного нашего человѣка, но и мы убили одного ихняго человѣка; значитъ, человѣкъ за человѣка и мы съ ними квиты; искать намъ съ нихъ, значитъ, нечего.

И пришельцы дѣйствительно ушли обратно, положивъ зарокъ—больше къ юракамъ никогда и не приближаться. По уходѣ ихъ поднялся съ мѣста и юрацкій мудрецъ и пошелъ къ своимъ, гдѣ и рассказалъ все, что видѣлъ.

ДЫГЫН.

Много, много лѣтъ тому назадъ, въ старину, жилъ якутскій шаманъ. Онъ имѣлъ трехъ сыновей, былъ бѣденъ и слѣпъ. Сыновья охотились и охотой пропитывали себя и отца. Мѣста были не изо-

бильных и жилось имъ, въ общемъ, не важно. Старикъ постоянно уговаривалъ сыновей своихъ покинуть эту землю и переселиться въ другія мѣста, но тѣ все отговаривались. Итти же при переселеніи нужно было черезъ большой голецъ¹⁾, переходъ черезъ который требовалъ семидневнаго пути. Не было на этомъ гольцѣ ни озеръ, ни ручьевъ, ни ключей какихъ нибудь, изъ которыхъ можно было бы добыть воды для питья; не было тамъ ни лѣсу, ни звѣрей какихъ нибудь, ни птицъ. Только трава росла на гольцѣ, да и то не вездѣ, а лишь мѣстами, полосой по лощинамъ. Долго убѣждалъ старикъ дѣтей своихъ переселиться. Наконецъ говорить ему сыновья:

— Ты говоришь все—переселитесь, а какъ же мы перейдемъ черезъ голецъ? Развѣ можемъ мы семь дней прожить безъ воды?

— Ничего! Вы не бойтесь, что на гольцѣ нѣть воды. Рѣшитесь только перекочевать, а тамъ мы не пропадемъ и безъ воды не будемъ,—отвѣтилъ отецъ.

Сыновья согласились и стали собираться въ путь. Сборовъ у нихъ было немного, богатствъ никакихъ не имѣли. Передъ выступлениемъ въ путь, старикъ велѣлъ сыновьямъ достать двадцать аршинъ холста и, распустивъ его, волочить по травѣ. Дѣло было лѣтомъ; шли, выбирая травяные мѣста. Утромъ холстъ намокалъ отъ росы; тогда доставали котель и выжимали въ него воду изъ холста; затѣмъ холстъ собирали и шли дальше. Такъ они добывали себѣ воду и шли черезъ голецъ. Черезъ семь дней переселенцы спустились къ рѣчкѣ, изобилующей рыбой и дичью. Основался старикъ съ сыновьями здѣсь жить: сыновья по-прежнему охотились, но только охота здѣсь была легче и богаче добычей. Стали переселенцы жить да поживать на привольныхъ мѣстахъ безъ хлопотъ и заботъ. Каждый день уходили сыновья на охоту и возвращались обремененные добычей. Однажды молодые охотники по обыкновенію ушли на промыселъ и разбрелись за дичью въ разныя стороны. Одинъ изъ братьевъ, увлеченный преслѣдованиемъ звѣря, зашелъ слишкомъ далеко отъ дома и заблудился. Долго ходилъ онъ, ища выхода изъ лѣсу, но никакъ не могъ выбраться изъ него и только дальше уходилъ отъ дома. Когда прошла ночь, онъ, утомленный ходьбой, завалился спать. На другой день повторилось то же самое: желая попасть домой, онъ только удалялся отъ него. Каждый день онъ до усталости шелъ, стараясь отыскать своихъ, и съ каждымъ днемъ отбивался отъ дома все дальше и дальше. Цѣлыхъ три года блуждалъ онъ такъ, питаясь охотой. Никто не знаетъ, какъ онъ выжилъ. Шелъ онъ такъ однажды лѣсомъ, потерявъ уже всякую надежду отыскать когда нибудь своихъ. Вдругъ передъ нимъ мелькнуло среди деревъ что то странное. Онъ подошелъ поближе и увидалъ человѣка, занятаго свѣживаніемъ только что убитаго сохатаго, но поразило его то обстоятельство, что не было у него никакихъ признаковъ головы. Страхъ взялъ охотника, но голодъ превозмогъ страхъ; дѣло было зимой, и онъ нѣсколько дней уже не ъѣлъ, какъ слѣдуетъ; къ тому же онъ подумалъ, что и бѣжать ему безъ лыжъ было некуда, а у безголоваго были лыжи, да

¹⁾ Чистое, голое, белѣсное мѣсто (Даль).

не простила, а мѣдныя, обтянутыя кожей. Взвѣшивъ все это въ умѣ, якутъ смѣло направился къ странному человѣку. Тотъ его принялъ, привелъ къ себѣ въ жилье, бывшее тутъ, неподалеку, и на-
кормилъ его. Во время Ѣды онъ замѣтилъ, что ротъ у его хозяина
былъ на спинѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была начинаться шея,
и что при жеваніи у него подымались и опускались плечи, вродѣ движе-
нія челюстей. Тѣмъ временемъ наступила вечеръ и хозяинъ съ гостемъ
улеглись спать. Ночью, когда безголовый уже заснулъ, охотникъ осторож-
но всталъ и кончикомъ ножа сдѣлалъ поперечные нарѣзки на лы-
жахъ хозяина, а самъ пустился бѣжать. Спустя немнога, сзади до него
стали доситься страшные крики, но никто его не догналъ.
Онъ былъ увѣренъ, что безголовый не замѣтилъ нарѣзокъ на
лыжахъ, наступилъ на нихъ и сломалъ ихъ, но все же продолжалъ
бѣжать. По странной случайности это же бѣгство спасло его отъ
бездѣльного шатанія и привело домой, къ отцу съ братьями.

Прошло много лѣтъ. Отъ старика шамана и его сыновей и слѣдовъ
не осталось. Только сохранилось о нихъ преданіе, но зато осталось отъ
нихъ многочисленное потомство. Отъ старика и его сыновей произо-
шелъ цѣлый народъ. Богато жили потомки шамана. На лугахъ у
нихъ паслись огромные табуны лошадей и стада рогатаго скота;
лѣса изобиловали звѣремъ и дичью; на рѣчкахъ и озерахъ не пере-
водилась рыба. Надъ этимъ народомъ властвовалъ могучій Дыгын,
самый сильный и храбрый человѣкъ изъ всего племени. Богатъ и
славенъ онъ былъ среди своего народа, и никто не могъ сравняться
съ нимъ ни силой, ни богатствомъ, ни хитростью. Были у него под-
ручные люди, тоже лучшіе и сильнѣйшіе люди изъ всего племени послѣ
него, а среди нихъ выдѣлялся одинъ, богатырь Чаллѣ, уступавшій въ
силѣ одному Дыгын'у. Жилъ себѣ Дыгын среди своего народа и
спокойно царилъ надъ нимъ, не зная ни заботъ, ни хлопотъ; всѣ
его слушались и повиновались. Никого и ничего не боялся онъ,
увѣренный въ своей силѣ и многочисленности своего народа. Мно-
жество работниковъ пасли на лугахъ лошадей и коровъ, а свобод-
ные люди, кто одиночкой, кто группами, охотились въ лѣсахъ и
горахъ, или рыбачили по рѣчкамъ и озерамъ. Однажды группа изъ
несколькихъ человѣкъ отправилась поохотиться. Долго бродили они
въ лѣсахъ, гоняясь за дичью; бродили пѣсколько дней и зашли да-
леко отъ своихъ жилищъ. Гоняясь за звѣремъ, въ одинъ день они
набрели въ лѣсу на жилье одной вдовы. Около дверей лежалъ само-
стрѣль съ семью нарѣзками на ложѣ для тетивы лука. Стало они
пробовать его натягивать, но лукъ былъ таѣ тугъ, что лишь не-
многіе натянули его до первой нарѣзки и только одинъ до второй.
Послѣ этого охотники вошли въ жилье, гдѣ застали только одну
женщину. Стало разговаривать съ ней, оказалась она тунгусской.
Спросили её—изъ сколькихъ человѣкъ состоитъ ея семья. Она отвѣ-
тила, что вхѣ только двое съ сыномъ.

— Гдѣ же онъ у тебя?—задали вопросъ гости.

— На охотѣ,—отвѣчала хозяйка.

— Какъ же онъ оставилъ свое оружіе?

— Какое?—спрашиваясь въ свою очередь женщина.

— Да вотъ то, что лежитъ на дворѣ, у дверей,—говорятъ охот-
ники.

— Ну, какое это оружие,—отвѣтаетъ хозяинъ,—это игрушка, которой баловался сынъ, когда былъ маленькимъ.

Скоро охотники ушли домой и, возвратившись къ себѣ, рассказали обо всемъ, что видѣли и слышали, Дыгынъ. Удивился Дыгынъ, какъ это до сихъ поръ никто ничего не слыхалъ о такомъ силачѣ, и велѣлъ разыскать Чаллу. Когда тотъ явился, онъ, давъ ему еще трехъ отборныхъ силачей, послалъ его посмотреть и разузнать—что и какъ, и правда ли то, что сообщали охотники? Отправился Чалла указаннымъ путемъ и черезъ два дня дошелъ до жилища вдовы. Подойдя къ дверямъ, онъ увидѣлъ тотъ же самострѣль, и упервшись ногами въ лукъ, обѣими руками сталъ натягивать тетиву, но какъ ни старался—едва натянулъ за третью нарѣзку; до четвертой не могъ. Затѣмъ, войдя въ домъ, онъ также нашелъ тамъ одну лишь хозяйку. Сынъ ея опять былъ на охотѣ. Поговоривъ со вдовой, Чалла отправился обратно сообщить своему властителю о томъ, что онъ узналъ. Вечеромъ вернулся съ охоты сынъ вдовы. Мать сообщила ему, что два раза у ней были якуты и оба раза пробовали натянуть его самострѣль.

— Какимъ путемъ они пришли?—спросилъ сынъ.

Мать указала ему направление и добавила, что и въ первый разъ пришли съ той же стороны. На другой день охотникъ тунгусъ отправился по слѣдамъ якутовъ. Придя къ ихъ мѣстамъ, онъ увидѣлъ громадный табунъ лошадей, гонимый множествомъ работниковъ, но не остановился, а пошелъ дальше, впереди табуна, по тому же направленію, по которому гнали табунъ. На пути ему попался холмикъ. Охотникъ взобрался на него и сѣлъ въ ожиданіи табуна. Скоро дѣйствительно подошли лошади и стали проходить съ двухъ сторонъ холма. Тогда тунгусъ взялъ свой лукъ, вставилъ стрѣлу, натянулъ лукъ и выпустилъ стрѣлу въ табунъ. Стрѣла проскочила сквозь четырнадцать лошадей. Тогда онъ всталъ и пошелъ обратно домой. Пастухи же, придя къ Дыгынъ, рассказали ему о томъ, какъ совершенно неизвѣстный имъ человѣкъ однимъ выстрѣломъ убилъ изъ ихъ табуна четырнадцать головъ и ушелъ обратно. Снова Дыгынъ призываетъ Чаллу и начинаетъ совѣщаться со своими людьми. Наконецъ они заставляютъ пригнать табунъ лошадей и, привязавъ ихъ въ одну шеренгу, начинаютъ пробовать—кто сколько лошадей можетъ прострѣлить. Оказалось—кто прострѣливалъ одну, кто двѣ, кто три; рѣдкіе прострѣливали четыре и пять и только одинъ Чалла прострѣлилъ семь лошадей. Самъ Дыгынъ не пробовалъ стрѣлять. Попробовавъ на лошадяхъ свою силу, Дыгынъ и его люди пришли къ заключенію, что бороться и воевать имъ съ незнакомцемъ было бы не подъ силу.

— Намъ не справиться съ такимъ человѣкомъ,—говорилъ Дыгынъ,—лучше же постараемся мы заслужить его расположение и сдѣлать его своимъ человѣкомъ. Иначе онъ перебьетъ всѣхъ насъ. Пусть отправятся къ нему нѣсколько человѣкъ во главѣ съ Чаллой и скажутъ ему: «Дыгынъ ищетъ твоей дружбы и расположения и хочетъ выдать за тебя свою дочь. Сдѣтайся нашимъ человѣкомъ и живи съ нами».

Такъ и сдѣлали. Послы Дыгынъ точно исполнили то, что онъ имъ приказалъ. Тунгусскій витязь охотно согласился на такое пред-

ложеи и вскорѣ явился къ Дыгын'у. Тотъ его радушно принялъ и сталъ угощать. Было лѣто, стояла жаркая пора. Дыгын налилъ своему гостю въ нѣсколько-ведерный деревянный сосудъ разбавленаго слегка водой кумыса. Гость поднялъ сосудъ и только что приложилъ губы, чтобы пить, какъ хозяинъ ударилъ въ него копьемъ, но копье ударилось въ пустое мѣсто на нарахъ. Гость успѣлъ во время отскочить, но сдѣлалъ это такъ легко и свободно, что не расплескалъ ни капли изъ сосуда. Видѣть Дыгын, что не одолѣть ему никакъ тунгусскаго витязя и говорить ему:

— Ты, другъ, не обижайся и не сердись; не убить тебя я хотѣлъ этимъ ударомъ, а испытать твое удальство. Вижу теперь, что не даромъ такъ славятъ тебя, и я охотно выдамъ за тебя свою дочь.

Гость принялъ это за искренность и успокоился, хотя и былъ все время насторожжъ. Скоро онъ женился на дочери Дыгын'a и зажилъ среди якутовъ. Четыре года онъ прожилъ среди нихъ и все время былъ насторожжъ. Ни разу за это время якуты не обнаружили своихъ враждебныхъ намѣреній. Черезъ четыре года онъ уже пересталъ опасаться, сталъ считать якутовъ своими друзьями и бросилъ свои предосторожности. Замѣтивъ это, якуты еще подождали съ годъ, а на шестой—убили его хитростью во время сна. Такъ погибъ довѣрчивый тунгусскій витязь, но не долго торжествовалъ и самъ Дыгын.

Скоро пришли въ его землю русскіе и стали воевать съ нимъ. Однако у Дыгын'a было столько народу, что онъ могъ противостоять имъ. Тогда русскіе, видя, что силой имъ не одолѣть Дыгын'a, предложили ему миръ и дружбу. Дыгын принялъ миръ. Рѣшили новые друзья отпраздновать свой дружескій союзъ и прекращеніе войны. Русскіе устроили пиръ и пригласили на него новыхъ друзей. Во время пира гостей поили водкой,—напитокъ до того времени неизвѣстный якутамъ. Пилъ и Дыгын, конечно, вмѣстѣ съ другими и какъ ни былъ силенъ и крѣпокъ, но и онъ сталъ пьянѣть и пошатываться. Скоро всѣ гости были уже пьяны, а русскимъ этого только и надо было. Когда якуты перепились всѣ, русскіе напали на нихъ и всѣхъ перерѣзали. Такъ кончилъ жизнь свою вѣроломный царь¹⁾ якутовъ, а съ нимъ пало и его царство.

B. Васильевъ.

¹⁾ Тунгусы называютъ Дыгын'a царемъ якутовъ (по-якутски: саха